

Шмелева Н. Л.

ПОНЯТИЕ "ЧЕРНЫЙ ЮМОР" И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/88.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 210-212. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ния, нередко завершаемого итоговым составом мира, соотношением этапов процесса творения с суммой целого, со всем составом. Обычно тексты дня и ночи являются составной частью текста самого творения. Материал русских пословиц показал, что концепт 'день' имеет довольно обширное поле интерпретации, в котором выражается отношение человека к светлomu времени суток от восхода до заката солнца. День для человека в первую очередь - время труда; этим временем надо дорожить, так как невозможно вернуть вчерашний день, даже один час времени бережет день; все плохое, что совершается днем, в конце концов заканчивается и т.д. Однако не следует слишком торопиться работать, т.к. Бог дает много дней для жизни. Ночь - итог дня. Ночь также обозначает временной объем, однако в это время ничего не видно. Ночь может быть сакральным временем, в которое совершаются сакральные действия. Для ночи, в отличие от дня, характерна отрицательная оценка.

Список использованной литературы

1. Бирих А. К. Русская фразеология: историко-фразеологический словарь (Б). 3-е изд., испр. и доп. М., 2005.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа (Д). М., 2004.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М., 2005.
4. Кожемяко В. С., Подгорная Л. И. Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги (КП). СПб.: КАРО, 2003. 192 с.
5. Топоров В. Н. Ночь и день: их противостояние и их взаимная тяга // Hrdá mánasā. СПб.: Наука, 2005.

ПОНЯТИЕ «ЧЕРНЫЙ ЮМОР» И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Шмелева Н. Л.

Волжский гуманитарный институт

Рассматривая такое явление как черный юмор, мы столкнулись с тем, что не существует однозначного и единственно правильного определения этого понятия. Многие ученые при исследовании этого феномена вообще избегали его определения и характеризовали черный юмор как шутки человека, находящегося в безвыходном положении. Но это не совсем точно. Бостонский «Словарь мировых литературных терминов» определяет черный юмор как «юмор, обнаруживающий предмет своей забавы в опрокидывании моральных ценностей, вызывающих мрачную усмешку» [Словарь мировых литературоведческих терминов, 1979, с. 350]. По мнению автора словарной статьи в данном словаре, «черный юмор», наряду с циничным притием и борьбой, является способом реагирования на зло и абсурдность жизни. Одним из самых известных ученых, анализирующих черный юмор с философской, социолингвистической и психологической точек зрения, является Эрих Фромм. В. И. Жельвис в своей статье «Черный юмор: анатомия человеческой деструктивности» анализирует широко известную книгу Эриха Фромма «Анатомия человеческой деструктивности», посвященную проблеме черного юмора. Один из важнейших постулатов книги: имманентное присутствие в человеческой психике стремления к жизни и одновременно - к смерти. Э. Фромм выделяет «биофильский» [тяготеющий ко всему, что содействует жизни] и «некрофильский» [тяготеющий ко всему, что содействует смерти] психические типы. В одном и том же человеке в какой-то пропорции существуют некрофил и биофил. Фромм пишет: «Любовь, солидарность, справедливость и рассудительность являются одной и той же продуктивной направленностью личности, которую я бы назвал жизнеутверждающим синдромом. Что касается жадности, деструктивности, зависти и нарциссизма, то все они связаны с одной принципиальной направленностью личности, имя которой «синдром ненависти к жизни». Там, где есть один из элементов синдрома, там найдутся почти всегда и остальные элементы [в разных пропорциях] [Фромм, 1994, с. 222]. В свете сказанного, черный юмор можно рассматривать как тенденцию к некрофильскому восприятию мира, неясному для самого человека тяготению к смерти, ощущению ее желательности и необходимости. Однако, человек, ценящий черный юмор, совсем не обязательно человек ущербный. По мнению Жельвиса, для него такой вид юмора может играть роль «прививки от подлинной агрессивности, то есть выполнять положительную роль». Например, после терактов 11 сентября 2001 года в Америке стали появляться научные изыскания, исследующие феномен, который получил название "terror humor". Это шутки, появившиеся в мировой сети интернет и обличающие действия террористов [Caryn James. Live from New York, permission to laugh; Wendy Doniger. Terror and gallous humor: after September 11?]. Этот феномен уже заслуживает внимания и как новое социолингвистическое, и как психолингвистическое явление.

Как мы уже выяснили, шутки черного юмора выражают некое эмоциональное состояние человека. Они зачастую высмеивают такие серьезные понятия как смерть, над которыми способен смеяться не каждый человек. Но за счет использования в них особых языковых приемов, эти шутки, все же, невольно вызывают смех. Для создания комического эффекта используются различные стилистические приемы. Один из основных принципов действия стилистических средств, очень часто использующийся для создания комического эффекта - это **эффект обманутого ожидания**. Суть его заключается в том, что речь, как правило, непрерывна и линейна, т.е. появление каждого отдельного элемента подготовлено предшествующими и само подготавливает последующие. Читатель его уже ожидает. Но если на этом фоне появляются эффекты малой вероятности, то возникает нарушение непрерывности - неожиданное создает сопротивление восприятию, и преодоление этого сопротивления требует усилия со стороны читателя и, поэтому сильнее на него воздействует.

ствуется [Арнольд, 1973, с. 43]

Примером использования эффекта обманутого ожидания в черном юморе может послужить следующая шутка: "*Yo momma's so ugly, just after she was born, her mother said "What a treasure!" and her father said "Yes let's go and bury it."* Здесь мы наблюдаем неожиданную развязку, возникающую из-за двусмысленно употребленных лексических единиц. Слово "treasure" здесь, казалось бы, несет в себе положительную коннотацию и переводится на русский язык как «золото, сокровище» [о хорошем, дорогом человеке] [The Oxford Russian dictionary, 1997, p. 662]. Реакция отца нарушает привычный ход мыслей любого нормального человека, который ожидает положительной реакции на рождение ребенка. Отец воспринимает слово "treasure" в прямом значении и предлагает пойти и закопать его [сокровище]. Он даже употребляет местоимение "it", еще более подчеркивая то, что говорит о неодушевленном предмете. В данной шутке мы видим едкий, «злой» сарказм отца по отношению к внешности дочери. Это делает данную шутку жестокой и позволяет отнести ее к разряду черного юмора.

В жанре юмора для повышения экспрессивности используются и **тропы** - лексические изобразительно-выразительные средства, в которых слово или словосочетание употребляется в переносном значении [Арнольд, 1973, с. 146]. Основными тропами, используемыми в шутках, являются гипербола и ирония.

Гипербола - заведомое преувеличение размеров или каких-либо других свойств объекта, служащее для повышения экспрессивности высказывания и придающее ему эмфатический характер [Screbnev, 1994, p. 111]. Данный троп в основном характерен для устной речи, в которой эмоции выражаются напрямую и их трудно контролировать. В устной речи такого рода выражения являются результатом неконтролируемых эмоций или привычки. И зачастую слушатель, а иногда и сам говорящий не замечают этого преувеличения. В шутках из разряда «черного юмора» также используется прием гиперболизации, с помощью которого какие-либо свойства человека намеренно очень сильно преувеличиваются, и это вызывает комический эффект.

В примерах, классифицированных нами, этот прием особенно явно проявляется в шутках категории "Yo mamma". Одним из примеров может послужить следующая шутка: "*Yo momma's so ugly, on Halloween the kids trick or treat her by phone!*" Некрасивая внешность здесь преувеличивается и утрируется. В данной шутке женщина представляется такой некрасивой, что дети даже боятся прийти к ней на Хэллоуин и совершить традиционный обряд [дети стучат в двери людей и говорят "Trick or treat", это означает, что им должны дать какие-либо сладости]. В данной шутке дети предпочитают сделать это по телефону, так как внешность этой женщины слишком отпугивающая. Но, естественно, это качество внешности очень сильно преувеличено, то есть гиперболизировано.

Основным способом создания комического эффекта является использование **каламбуров** [франц. *calembour*] - вида языковой игры, основанной на объединении в одном тексте либо разных значений одного слова, либо разных слов [словосочетаний], тождественных или сходных по звучанию [Антрушина, 1985, с. 70]. Существует несколько видов каламбуров. Самый распространенный - каламбур, основанный на полисемии [многозначности слова]. Второй по употребительности вид каламбура - обыгрывание сходства в звучании слов или словосочетаний [так называемая паронимазия]. **Паронимы** - слова, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут либо ошибочно, либо каламбурно использоваться в речи [Там же, с. 145]. Использование паронимов в текстах называется **паронимазией**. Каламбурно обыгрыванию подвергаются все типы омонимов:

- **полные омонимы** - слова, совпадающие во всех формах по звучанию и написанию;
- **омофоны** - слова, совпадающие по звучанию, но не по написанию;
- **омографы** - слова, имеющие одинаковое написание, но различное ударение;
- **омоформы** - слова, совпадающие лишь в некоторых из своих форм;
- **омонимия слова и словосочетания** или двух разных словосочетаний.

В мировой сети интернет есть много шуток из разряда черного юмора, где комизм достигается путем каламбурного использования слов. Рассмотрим пример подобной шутки, где комический эффект достигается за счет использования каламбуров. "*Yo momma's so stupid, she saw a sign that said Wet Floor... so she did!*" Здесь комизм достигается за счет каламбурного использования словосочетания "wet floor". Слово "wet" в данном контексте является прилагательным и означает "covered in water or another liquid" [Longman active study dictionary, 2000, p. 755]. Но в данной шутке это слово воспринимается как глагол в повелительном наклонении: "to wet" v to make something wet [Ibidem]. Здесь обыгрывается недостаток ума этой женщины, которая восприняла знак как требующий помочиться пол и сделала это. Естественно, в этом контексте "wet" уже означает "make something wet because you urinate by accident" [Ibidem]. В этой шутке снова саркастично высмеивается уместный недостаток.

Таким образом, можно сделать вывод, что для черного юмора характерны те же приемы, что и для юмора в целом. Но черному юмору больше присущ сарказм, в нем не так много иронических шуток, так как ирония представляет собой более тонкую усмешку, а сарказм - едкое, язвительное осмеяние чего-либо, что более характерно для черного юмора, зачастую имеющего своей целью несколько унижить другого человека, показав свое превосходство над ним. Стилистические приемы вводятся в шутки с различными целями: прием гиперболизации служит для искусственного преувеличения тех или иных высмеиваемых качеств человека; использование каламбуров, паронимазии и игры слов создает в шутках двусмысленность, что усиливает комический эффект. Все эти приемы придают шуткам яркость и остроту.

Список использованной литературы

1. Антрушина Г. В. Словарь лингвистических терминов. М.: Высшая школа, 1985. 200 с.
2. Бретон А. Антология черного юмора. М.: Carte Blanche, 1999. 544 с.
3. Жельвис В. И. Черный юмор: анатомия человеческой деструктивности [Электронный ресурс]. URL: www.yspu.yar.ru
4. Словарь мировых литературоведческих терминов. Бостон, 1979. 450 с.
5. Федорова Н. А., Елькина М. Д. Виды каламбуров, используемых с целью создания комического [Электронный ресурс]. URL: www.krugosvet.ru
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
7. Black Jokes [Электронный ресурс]. URL: www.spicyhumor.com
8. Longman active study dictionary. Pearson education, 2000. 796 p.
9. Serebnev Y. M. Fundamentals of English stylistics. М.: Высшая школа, 1994. 238 p.

ТРАДИЦИИ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ И ЛЕЙТМОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
«ФАННИ ХИЛЛ» ДЖ. КЛЕЛАНДА И «МОЛЛЬ ФЛЕНДЕРС» Д. ДЕФО

Ярина Н. В.

Магнитогорский государственный университет

Литература XVIII в. знаменуется особой ролью психологической интимности и утончённой чувственности. Исходя из общепринятых моральных и этических границ XVIII в., сюжет «Фанни Хилл» становится почти что традиционным для английской литературы этого столетия - достаточно вспомнить героиню Д. Дефо. Сопоставление истории Молль Флендерс и мемуаров Фанни Хилл как нельзя лучше это подтверждает. В двух из представленных случаев перед нами - записки женщины, преступившей общепризнанные нравственные законы общества и с циничной откровенностью рассказывающей о том, как сложилась её жизнь.

В романах охватывается разный временной промежуток. Если Молль Флендерс рассказывает о своей жизни с детства и до старости, то повествование Фанни Хилл охватывает менее продолжительный период: с детства и до 19 лет. Но и этого времени оказывается достаточно для того, чтобы узнать истинное лицо общества XVIII века и его действующие законы.

Оба романа представляют собой зазеркалье того общества, законы которого казались такими строгими и правильными.

Обе героини представительницы одного социального слоя, обе сироты. И Молль Флендерс и Фанни Хилл оказываются в похожих ситуациях: и ту и другую именно бедность толкает на путь первоначального грехопадения. Молль Флендерс пишет: «...наихудший из всех дьяволов - бедность». И открыв однажды «ворота... мы открываем себе дорогу к греховной жизни».

Как Молль, так и Фанни не прочь посмеяться над теми, кого им удалось одурачить, и, каждая по-своему, гордятся своей профессиональной искущённостью и сноровкой. Однако, несмотря на то, что преступная и развратная жизнь в достаточной степени ожесточила и исковеркала судьбу этих героинь, им всё же не чужды и сердечные увлечения, и чувство жалости и снисхождения.

Характерен, например, тот эпизод истории Молль Флендерс, где она оказывается обманутой неким грабителем с большой дороги, который, выдав себя за богатого ирландского помещика, женился на ней, поверив, что она действительно вдова, обладающая значительным состоянием. Взаимный обман не замедлил раскрыться после свадьбы. Но новобрачные остались столь довольны друг другом, что не без приятности провели несколько недель своего медового месяца. Весёлый и беспечный Джемми, её «ланкаширский муж», как именует его Молль, пришёлся ей настолько по сердцу, что она «с бесконечным наслаждением вспоминала очаровательные часы» [Дефо, 1992, с. 183], проведённые в его обществе.

При всей своей зачерствелости, Молль не чужда и чувства сострадания. Вспоминая, как она сняла дорогое ожерелье с шейки маленькой девочки, которую завела обманом в глухой закоулок, она добавляет, что могла бы ради большей безопасности придушить ребёнка, - но не сделала этого, пожалев «бедную овечку». Под старость, в Америке, встретив давно покинутого ею сына, она с умилением целует землю, по которой он прошёл.

В «Мемуарах женщины для утех» не возможно не вспомнить ту встречу Фанни и Чарльза после четырёх лет разлуки полную нежности, любви и страсти: «Силы небесные! Способен ли кто выразить, что я почувствовала при звуках этого голоса, всегда волновавших моё сердце и теперь вдруг в нём отозвавшихся! Я обратила глаза на того, кому этот голос принадлежал, и они подтвердили то, о чём уши уже успели поведать... но что может укрыться от все проникающей силы чувства, несомненно, направляемой самой любовью? Нет слов описать подхвативший меня порыв - это было превыше всяческих рассуждений и даже удивлений: в мгновение ока, с быстротой подгонявших меня чувств бросилась я ему на грудь, обвила его шею руками и из самой души исторгла восклицания вперемешку с плачем: « Жизнь моя!.. душа моя!.. мой Чарльз!..» Не в силах больше вымолвить ни словечка, я упала в обморок, не перенеся возбуждения радости и удивления» [Клеланд, 2001, с. 329-330].

Обе героини в какой-то период своей жизни зарабатывали шитьём.

Даже некоторые географические названия встречаются в обоих романах. Например, Бат - «место элегантно, дорогое, где на каждом шагу ловушки» [Дефо, 1992, с. 98] «где мужчины находят иногда любовни-